

**ОБРАЗ А.С. ПУШКИНА ЧЕРЕЗ
ПРИЗМУ
ЕГО АВТОПОРТРЕТОВ И
ВОСПОМИНАНИЙ
СОВРЕМЕННОКОВ**

Выполнила:

Гарифова Ангелина Ильдаровна,

ученица 8 в класса

МБОУ «Гимназия № 26»

г. Набережные Челны

Руководитель:

Тихомирова Г.Б.,

учитель русского языка и

литературы МБОУ «Гимназия № 26»

г. Набережные Челны, 2019

Введение

Творческое наследие Александра Сергеевича Пушкина, его жизненный путь и в наши дни продолжает интересовать не только специалистов, но и простых обывателей. Меня заинтересовала тема образа поэта через призму его автопортретов и воспоминаний современников. В учебниках литературы, книгах с произведениями А.С. Пушкина, встречаются его изображения. Это рисунки, которые поэт выполнял сам, рисуя на полях рукописей свой профиль, и картины известных и малоизвестных отечественных и зарубежных художников. Обращает внимание то, что на автопортретах поэт старался изобразить себя в профиль. А работы профессиональных художников в основном демонстрируют нам Пушкина анфас. Эта особенность вызвала у меня следующие вопросы – как поэт воспринимал себя?

Целью нашей работы стало изучение образа А.С. Пушкина через призму его автопортретов и воспоминаний современников.

Сформулированы следующие задачи: изучить научную литературу по данной теме, проанализировать отношение поэта к самому себе и каким видели Пушкина его современники из числа близких, друзей и общества.

Основными методами при изучении темы стали проблемный и сравнительный методы, а также метод анализа данных.

Относительно своей необычной внешности поэт, на мой взгляд, не испытывал неловкости и умело иронизировал по-поводу «африканского происхождения».

Рукописи поэта описывались еще в прошлом веке, еще на выставках 1880 года и позже они выставлялись для всеобщего обозрения. И все-таки истинное открытие автопортретов произошло не так давно, в 20 веке, потому что в описаниях 19 века, в упоминаниях об уникальных рисунках их называли «карикатурами поэта на самого себя».

И только во второй половине 20 века стало широко известно о таланте Пушкина-рисовальщика, когда графикой поэта занялись искусствоведы, литературоведы. Эти автопортреты Пушкина нарисованы в разные годы – с 1820 по 1836. Они разбросаны по листам рукописей «Кавказского пленника», «Евгения Онегина», «Бахчисарайского фонтана», «Домика в Коломне», на страницах черновиков, писем, поэтических посланий.

В ходе работы над данной темой я выяснила, что основная масса автопортретов была создана Пушкиным в 1820–1830-е годы. Внутри этого десятилетия наиболее интенсивными оказались начало южной ссылки, начало работы над романом «Евгений Онегин», ссылка в Михайловское, наконец, весна и осень 1829 г., когда решалась личная судьба поэта. После 1830 г. автопортреты почти исчезают из рисунков поэта.

Говоря об огромной значимости автопортретов Пушкина, сравнивая эти наброски с портретами поэта, выполненными профессиональными художниками, А. М. Эфрос писал: «Автопортреты Пушкина имеют огромную документальную ценность. Это наиболее надежные свидетельства примет и особенностей пушкинского облика» [6, С. 38].

В работе были использованы исследования таких авторов, как А. М. Эфроса, Т. Г. Цявловской, Б. В. Томашевского, Е.И. Галкина, а также опубликованные воспоминания, дневники и переписка поэта с его близкими друзьями, вошедшие в двухтомник «Друзья Пушкина» (составитель В.В. Кунин).

Творческие «следы» Пушкина, как зеркало его души

При жизни А.С. Пушкин создал немало автопортретов. Работая над очередным произведением, зачастую, он на полях рукописей оставлял творческие «следы». И в зависимости от сюжета или обстоятельств жизни, эмоционального состояния, автопортреты получались разными. В этом их большая документальная ценность, ведь они отражают чувства, эмоции,

самонаблюдение и разные состояния поэта. По мнению исследователей, официальные портреты Пушкина работы известных русских художников Кипренского и Тропинина, не «могут перевесить ни убедительностью, ни интимностью дилетантских черновых пушкинских самозарисовок» [1, С. 51].

Е.И. Галкин пишет, что в набросках Пушкина есть непосредственность и близость, которая не вызывает сомнений и свидетельствует каждой своей подробностью, что именно так он выглядел, или так обряжал себя, или таким хотел себя видеть. На автопортретах лежит горячность повседневности, живого прикосновения к большим и малым фазам пушкинской судьбы.

Самый характер пушкинской графики неразрывно связан с представлением о пере. Элементы шаржа, намеренной утрировки, комического осмысления присутствуют в набросках Пушкина. По большей части - это профили, повернутые влево, – обычно расположение любительских портретных зарисовок. Эти профили чаще всего карикатурны. Однако – в откровенную карикатуру они переходят относительно редко.

Рассматривая эти автопортреты, становится очевидно, что А.С. Пушкин относился к своей внешности как к данности, к тому, что не исправишь. Вот какую характеристику своей внешности он дает себе сам:

«А я, повеса вечно – праздный.

Потомок негров безобразный...»

(А. С. Пушкин. Юрьеву («Любимец ветреных Лаис...»))

В одном из писем к другу – Антону Дельвигу, Пушкин характеризует ему своего младшего брата Льва Сергеевича и в заключении пишет: «...чувствую, что мы будем друзьями и братьями не только по африканской нашей крови» [3, С. 84].

Так или иначе, но современники поэта, к его «африканским» корням относились как к одной из многих особенностей, которые выделяли Пушкина из всех остальных. Примечательно, что в письме к жене Наталье Николаевне, в сентябре 1835 г., Пушкин обмолвился: «хорош никогда не был, а молод был» [3, С. 121].

Вот он рисует свой юношеский профиль с длинными кудрями, а на другом рисунке изображает себя бритоголовым, каким был в 1818-1819 гг. Или же рисует себя то в папахе черкеса, то в костюме эпохи Великой французской революции, то монахом, то придворным арапом, то в лавровом венке. Наконец поэт изображает себя таким, каким он представлял себя в глубокой старости: с лицом, покрытым морщинами, с лысой головой, кое-где сохранившей жалкие остатки волос.

Автопортрет в рукописи «Кавказского пленника» 1821 г.

Интересно будет обратиться к изучению автопортрета в рукописи «Кавказского пленника». Облик поэта совсем еще юношеский. Лицо его, хотя, пожалуй, и подернутое дымкой грусти, не отразило еще, ни следов больших потрясений, ни горячи тяжких разочарований. Оно дышит непосредственностью. Доверчивая открытость поэта контрастирует с замкнутостью и отчужденностью героя поэмы.

Герой поэмы равнодушен к жизни и к её наслаждениям, в произведении мы чувствуем преждевременную старость души, всё это было отличительными чертами молодежи 19 века. По автопортрету видно, что Пушкин не отождествляет себя со своим литературным героем, хотя, возможно, в чем-то и сближается. Нечто, роднящее поэта с героем, может быть, - печать раздумья, которая уже лежит на лице Пушкина. Ему присущи ранняя зрелость и тонкое понимание людей. Но это – познание жизни, а не «старость души».

Не вдруг увянет наша младость,

Не вдруг восторги бросят нас,

И неожиданную радость
Еще обнимем мы не раз...

(А.С. Пушкин «Кавказский пленник»)

Два автопортрета. Сентябрь – начало октября 1826 года

Следующие два портрета находятся на одном листе, один над другим. Они сделаны Пушкиным по возвращении из ссылки. Вверху юный Пушкин. Его облик ничем не омрачен. На жизнь он смотрит без озабоченности.

На нижнем рисунке человек молодых, но уже зрелых лет. «...Это Пушкин, утративший былую отвагу, обретший недоверчивость к людям», – пишет Т. Г. Цявловская в книге «Рисунки Пушкина» [5, С. 62]. Юношеская мягкость, непосредственность в выражении лица исчезли. Черты несколько заострились, взгляд стал настороженней, подбородок тверже, появилась складочка у губ. За этими переменами видятся пережитые в ссылке разочарования и потери: сначала разлука с друзьями, потом вынужденное уединение деревни, катастрофа 1825 года, аресты, казнь, ссылка дорогих и близких людей.

Когда смотришь на нижний рисунок, на память могут прийти исполненные недоверия к людям строки написанной в Михайловском IV главы «Евгения Онегина»:

А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображение,
Дремоту сердце оживляй,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь
И наконец окаменеть

В мертвящем упоенье света...

(А.С. Пушкин «Евгений Онегин», Эпилог 6 главы ч. 44-46)

Последний автопортрет. Февраль 1836 год. По портрету видно, что он появился под колонкой цифр каких-то денежных расчетов. В лице поэта усталость, подавленность. «Если бы надо было искать специального завершения для всей огромной автобиографической серии, – пишет А. М. Эфрос, – то нельзя было бы подобрать ничего более выразительного. Пусть такой графический финал – случайность, но он знаменателен. Он верен и глубок. Это незавершенный профиль, рожденный денежной арифметикой 1836 года, – подлинный символ последнего отрезка пушкинской жизни...»[7, С. 214]. Данный портрет полностью раскрывает трагедию последних месяцев жизни поэта.

Да, рисунок у Пушкина – это несомненно «слово», «запись» через графический образ. Пушкин владел этим «языком» свободно и виртуозно. Поэт употреблял «язык» графики, создавая документальный портрет интересующего его человека – современника или исторического лица; но через «язык» графики претворялся (возможно, бессознательно) и поиск образа, когда, варьируя, играя, «ловя» нечто общее в разных лицах или «отдавая» черту одного многим, он вдруг получал нечто совсем неожиданное (автопортрет в образе лошади или обезьяны). Здесь языком графики говорит писатель-творец.

II

Образ поэта в воспоминаниях его современников

Пушкин в лицейские годы, по воспоминаниям современников, был одним из самых подвижных и ловких. Свою начитанность, прекрасное знание французского языка и литературы, за что ему дали прозвище «француз», ценил не высоко. А вот ловкостью, умением прыгать, бросать мяч гордился. Ему больше нравилось другое прозвище: «обезьяна с тигром» [3, С. 25].

Порывистый, импульсивный, неожиданный в своих реакциях «вспыльчивый до бешенства», с «необузданными африканскими

страстями», резкий в симпатиях и антипатиях – таким мы видим Пушкина по воспоминаниям преподавателей и воспитанников лицея.

Пушкин вообще был не очень словоохотлив и на вопросы товарищей своих отвечал обыкновенно лаконично. Следуя единственно вдохновению, он неохотно подчинялся классному порядку и никогда ничего не искал в своих начальниках. По словам И.И. Пущина: «Мы все видели, что Пушкин нас опередил, многое прочел, о чем мы не слышали, все, что читал, помнил, но достоинство его состояло в том, что он отнюдь не думал выказывать и важничать...» [3, С. 29].

Осознание своего предназначения, любовь к творчеству вдохновляли поэта и служили ему опорой в периоды душевных исканий, потрясений. Думаю, что Пушкина мог больше взволновать творческий процесс и реакция публики на его труды, нежели чья-то оценка его внешности.

То, что Пушкина еще при жизни нарекли гением, факт неопровержимый. В 1824 г. в одном из писем, лицейский друг поэта Вильгельм Кюхельбекер откровенно заявляет: «Скажу вам только, что великий писатель, делающий честь своему веку, – великое слово! Пушкин, без сомнения, превосходит большую часть русских, современных ему стихотворцев: но между лилипутами не мудрено казаться великаном! Он, я уверен, не захочет сим ограничиться» [2, С. 252].

«Любезность, острый ум, необыкновенная память и заманчивый веселый рассказ делали его украшением, душою общества» [3, С. 28]. Таким запомнил поэта его знакомый Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский.

Поэт, переводчик, филолог С.П. Шевырев добавляет: «Пушкин был удивительный чтец. Вдохновение так пленяло его, что за чтением «Бориса Годунова» он казался нам красавцем» [2, С. 158].

По – поводу женитьбы своего друга и производству его в камер-юнкеры, Пущин вспоминал: «И то и другое как-то худо укладывалось во

мне..., я не умел представить себе Пушкина семьянином и царедворцем» [2, С. 148].

Иное изображение и характера Пушкина в воспоминаниях барона Модеста Андреевича Корфа, у которого с поэтом не сложились отношения с лицейских лет: «... Кутила... вспыльчивый до бешенства ... вечно рассеянный... избалованный с детства похвалой и льстецами... ничего любезного...» [2, С. 57].

Князь Петр Андреевич Вяземский на записках Корфа сделал замечание: «Был он вспыльчив, легко раздражен, это – правда, но когда самолюбие его не было задето, был особенно любезен и привлекателен, что доказывается многочисленными приятелями...» [3, С. 58].

Родная сестра поэта, Ольга Сергеевна Павлищева, с которой у них были теплые и искренние отношения с самого детства, говорит о «высокой созерцательной, идеальной душе» брата.

Особого внимания заслуживают воспоминания современников после трагического события января 1837 г. Смерть поэта вызвала настоящую волну народного горя. Близкие и друзья Пушкина в своих письмах передают это и сквозь эпоху доносят до нас боль и горечь утраты.

Иван Пущин смело называет Пушкина достоянием России и утешает себя такими словами «... поэт не умирает и ...Пушкин мой всегда жив для тех, кто, как и я, его любил, и для всех умеющих отыскивать его, живого, в бессмертных его творениях» [2, С. 60]. Петр Андреевич Вяземский признает, что Пушкина «...не стало в самой поре его зрелости и силы жизни его и дарования. Сложения он был крепкого и живучего. По всем вероятностям, он мог бы прожить еще столько же, если не более, сколько прожил. Дарование его было также сложения живучего и плодовитого» [2, С. 62].

Выводы

Благодаря воспоминаниям современников Пушкина – его родных, близких друзей и просто людей, когда-то видевших поэта, – можно представить себе, как внешне выглядел и как вел себя человек в различные периоды своей жизни. Автопортреты Пушкина исполнены высокой поэзией, трагичны и одновременно не лишены самоиронии.

Ведь эти рисунки почти никогда не создавались специально, а в большинстве своем возникали в минуты творческих раздумий, пауз, поисков новых рифм. Особая ценность пушкинских зарисовок в том, что они выполнены им для себя. Эта графика открывает новые пути для проникновения в суть пушкинского образа, для понимания его творческой природы. Автопортреты запечатлели отзвуки разных душевных состояний, порывов, смен настроения, всплески бурной, неукротимой фантазии.

Ведь главное – не просто знать о существовании тех или иных свидетельств о поэте, но уметь их правильно оценивать, видеть в них богатство, позволяющее безмерно расширить представления об А.С. Пушкине.

Известные русские художники и многие другие современные портретисты в популярных картинах из жизни Пушкина фиксировали его облик, известный по Кипренскому. Пренебрежение, с которым современные художники относятся к автопортретам Пушкина, вряд ли оправдано. Можно различно расценивать их с профессиональной точки зрения, но документальное значение их неоспоримо и от них неотъемлемо. Изучая автопортреты великого поэта, и только в них мы находим реальные черты Пушкина, почти все вехи его жизни, черты такого Пушкина, какого не подглядели или не почувствовали изображающие его современные художники.

Список использованной литературы:

1. Галкин Е.И. Пушкин как в зеркале. Н. Новгород, 2015. – 256 с.
2. Карцелли Л. Мир Пушкина в его рисунках. – Московский рабочий, 1983 г. – С. 161.
3. Кунина. В.В. Друзья Пушкина. Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2-х т. Т. 1 /Сост. Биографические очерки и прим. – М. : Правда, 1985. – 639 с.
4. Пушкин А.С. Стихотворения. – Издательство: Детская литература. – Серия: Школьная библиотека, 2016. – 827 с.
5. Томашевский Б.В. Автопортреты Пушкина.// Пушкин и его время. Вып.1 Всесоюзный музей А.С. Пушкина. Исследования и материалы, Л., 1962 г. – С. 321.
6. Цявловская Т.Г. Рисунки Пушкина. М., Искусство, 1970 г. – 168 с.
7. Эфрос А.М. Рисунки поэта. – М., Академия, 1933 г. – 4